

Патьяна Алюшина

Мой
единственный
маяк

Роман

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Мой единственный маяк : роман / Татьяна Алюшина. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-242828-9

Анна приехала к морю, в город своего детства, надеясь спрятаться от боли и начать все сначала. Но вместо покоя ее ждали старый маяк, который вот-вот пойдет под снос, и Степан — человек немногословный, сильный и надежный, как сама прибрежная скала. Борьба за маяк становится для Анны борьбой за память о дедушке, за себя прежнюю и за право быть счастливой. Ведь иногда судьба приводит нас именно туда, где разбитое сердце впервые начинает биться по-настоящему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242828-9 © Алюшина Т., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Кто на самом деле виноват во всем этом судьбоносном кульбите, Анна так для себя и не решила. Может, система. Может, Матвей. А может, даже она сама.

Другое дело, что увольнение настолько Анну расстроило, что она решила кардинально поменять жизнь. И это кардинальное решение расстроило ее еще больше. Такая вот несостыковочка. С одной стороны, оно и понятно: не каждый день судьба вносит настолько решающие коррективы в твои планы, что все вокруг рушится — все годами планомерно выстраиваемое бытие, а заодно с ним и прекрасное, холимое-лелеемое в мечтах будущее. С другой — если тебя уволили, это еще не значит, что ты должна ставить на себе крест целиком и полностью.

И направлялась Анна теперь не в свой любимый институт, как делала бесперебойно на протяжении более двадцати лет, а к метро «Щелковская» — на междугородную автостанцию, чтобы снова раз и навсегда изменить свою жизнь, с од-

ним рюкзаком за плечами и с ворохом мыслей в голове.

— Да куда ж вы все прете и прете, — проворчала она себе под нос, подпихиваемая в толпе в метро чужими плечами.

«Куда-куда... На работу люди торопятся, — тут же осадила сама себя. — Кто-то на старую работу, а кто-то на новую после увольнения. И ничего, ручки ни у кого не опустились, самооценка не понизилась. *Sequitur vita*»¹.

Не, ну а че? Увольнения случаются сплошь и рядом. Людей увольняют, и даже с весьма престижных должностей. Могла бы просто вдохнуть, выдохнуть и жить дальше. Ну уволили и уволили, подумашь. Отдохни недельку-другую, порыдай в подушку, в конце концов, и начни уже, тряпка, искать работу! Но нет же! Она умудрилась краешком своей принципиальности зацепиться за торчащую из воды корягу. Чертов максимализм подростковый из нее, видите ли, все никак не выветрится, к ее-то годам. Уже за сорок перевалило, а туда же: вы все не правы, одна я белая-пушистая.

И теперь, в качестве кульминации этого провального шоу, ей предстояло проделать восьмичасовой путь в стареньком междугородном автобусе. Она садилась в салон со смутными, но свет-

¹ Жизнь продолжается.

лыми воспоминаниями о детских поездках к морю — о просторных креслах, пахнущих чистотой, и полной предвкушения дороге. Реальность встретила ее иначе. К такому ее жизнь точно не готовила!

— Разрешите. — Анна с трудом протиснулась на свое место, пробираясь мимо женщин и мужчин, застрявших в проходе и распахивающих куда попало свой скарб.

Можно было подумать, все эти люди или одновременно решили отправиться в отпуск, или, как она, были уволены и решили устремиться прочь из Москвы к далеким берегам, сулящим отдохновение душе, и забрали вместе с собой все свои пожитки, нажитые непосильным трудом. Только вот почему на автобусе, разве на поезде это было бы сделать не удобнее? Она и сама-то не понимала, почему выбрала именно такой способ перемещения в пространстве.

«Почему-почему, — вновь раздался в ее голове собственный ворчливый голосок. — Потому что телепортацию еще не придумали. Кто как может, тот так и перемещается. *Suum cuique*»¹.

Анна втиснулась в сиденье и подумала, что угодила прямым в консервную банку с кильками. Причем в самую дешевую. О личном пространстве можно было забыть — оно было без-

¹ Каждому свое.

жалостно аннексировано соседом, приземистым мужиком с такой же седой и неопрятной шевелюрой, как у всякого приличного бобыля в провинции. Он встретил ее взгляд с тем самым всеобъемлющим радушием, что бывает только на семейных юбилеях, где каждый обязан улыбаться и хлопать; когда Анна села рядом, он довольно усмехнулся и чуть взмахнул рукой, как при вручении почетной грамоты. Но едва Анна устроилась поудобнее и автобус тронулся с места, как мужчина с видом хозяина жизни развернул пакет с едой. И тут поперла классика жанра: вареные яйца, жареная курица, дольки помидоров и огурцов... И пока мужик кушать изволил, Анна подавляла спазмы в желудке. Да чтоб тебя намочило! Интересно, почему у большинства людей дорога вызывает такой бурный аппетит? Можно подумать, они сутки до этого голодом себя изнуряют, чтобы в пути оторваться как следует. Пришла еда, открывай ворота. Или как там?

— Держи, красавица. В дороге подкрепиться — святое дело. — Мужик деловито протянул ей половинку яйца, солидно присыпанную солью из пакетика.

И так сказал, точно иначе и быть не могло.

— Нет, спасибо, не голодна. — Анна обалдела слегка от такой беспардонности, поморщилась и отвернулась.

А сама принялась судорожно вспоминать, когда ела последний раз. Из-за всех этих переживаний, связанных с увольнением, кусок в горло не лез. А теперь вот нате вам — еда буквально под носом. Да что там под носом! Осталось ощущение, что запах вареного яйца буквально застрял в носу.

— Ну нет так нет, на нет и суда нет. — Мужчина закинул предложенную половинку в рот целиком, да так и проглотил, казалось, не жуя. — А все ж зря. Ехать-то еще ого-го. Так и желудок недолго угробить. Куда путь держите, коли не секрет?

— В Ключевск, — ответила сквозь зубы Анна, судорожно сглатывая слюну и гадая, слышит ли попутчик урчание в ее животе. Чтобы предупредить дальнейшие ненужные ей расспросы, быстро отчиталась: — Я морской биолог, мне нужно попасть на маяк.

И не соврала, и подробности не удосужилась озвучить. Будь мужик семи пядей во лбу, он бы наверняка моментально сопоставил информацию и выявил несоответствие: морской биолог и маяк — и что? И каким образом одно связано с другим? Но он проглотил ее ответ без колебаний.

— А-а, в Ключевск, — закивал многозначительно мужчина, будто все понял и вопросов больше никаких не осталось. — Значит, к маяку.

Так и знал. Я туда Степану, сторожу, провизию подкидываю. Сивый я. Значит, соседи будем. — И уставился на Анну с довольным видом, как кот на разбитую вазу.

Вот только этого ей еще не хватало! Какой-то Степан, какой-то Сивый, и с какого это перепугу они вдруг должны стать соседями?!

Праздник желудка по соседству длился, а ее собственная жизнь медленно, но верно сужалась до размеров подлокотника, на который попутчик ее уже водрузил локти, и окна, в которое он дышал с упоением человека, впервые увидевшего мир. Автобус превратился в этакую капсулу времени, где тесно пахло вчерашней трапезой, нафталином и безысходностью. Идеальные декорации для того, чтобы окончательно осознать весь масштаб своего падения: с высот научных конференций — в плотное соседство с человеком с куриной ногой. И с яйцами. Браво.

Однако нет худа без добра: Анна была настолько вымотана всем произошедшим за последнее время, что не заметила, как погрузилась в сон. Хотя это даже сном-то было трудно назвать: у всех сны как сны — со всякими там полетами над городом или падением в пропасть, так что ноги дрыгаются и дыхание перехватывает, с офигенными страстями и такими сюжетными хитросплетениями, до каких ни один голливудский режиссер не додумается, а у нее мозг

бесконечно прокручивал одни и те же события, которые действительно имели место. Правда, прокручивал он их по-хитрому, подбрасывая своей законной владелице варианты ее возможных действий и манипулируя ее чувством вины. Потому что какой бы обновленный вариант ей ни приснился, по всему выходило, что виновата она, и только она.

Во сне она снова и снова возвращалась в свою пустую квартиру, где из живых существ остался только кактус по имени Геннадий — и тот выглядел так, будто планировал эмиграцию, — открывала ноутбук. Руки дрожали — то ли от ярости, то ли от избытка адреналина, который обычно предшествует грандиозным жизненным ошибкам.

Она доставала из холодильника бутылку сухого белого. «Для дезинфекции души», — оправдывала она себя, выкручивая штопором пробку.

Шедевр появлялся на свет примерно через сорок минут, когда в бутылке оставалась треть, а клавиатура раскалялась от скорости печати. Анна вновь и вновь набивала во сне тот гениальный заголовок, моментально привлекавший к себе всеобщее внимание: «О губках и людях-паразитах: краткий атлас деградации».

«В биологии есть понятие фильтраторов, — писала Анна, яростно вколачивая буквы. — Это существа, которые очищают среду вокруг себя.

Таковы морские губки Demospongiae. Они тихие, они неподвижные, они приносят пользу просто фактом своего существования.

Но есть и другой вид — *Officium Parasitus*¹. Внешне они напоминают людей, часто носят дорогой кашемир и пьют смузи из спирулины, наивно полагая, что поедание водорослей делает их частью природы. На самом деле их единственная функция — поглощать ресурсы, затягивать процессы и выделять в окружающую среду густую, удушливую слизь под названием «протокол».

Пока первые очищают океан, вторые уничтожают его ради годовых премий. Если вы видите существо, которое улыбается вам через край стакана с хлореллой, пока за его спиной гибнет редчайшая экосистема, — знайте: перед вами не человек. Это сложный вид ленточного червя, мимикрировавший под эффективного менеджера. Биологически это тупик. Морально — катастрофа».

Она прикрепляла к посту фотографию Матвея, где он на фоне стенда с надписью «Мы бережем океан» выглядел как самодовольный морской котик, и нажимала «Опубликовать».

— Счастливо оставаться в своем аквариуме, рыбки мои золотые, — шептала она, закрывая крышку ноутбука.

¹ Офисные паразиты.

К утру пост уже жил своей жизнью. К обеду он становился виральным.

Интернет — среда беспощадная. Кто-то вырезал Матвея с фото и наложил на него фильтр, превратив в настоящую розовую губку с подписью: «Когда сожрал бюджет экспедиции и пытаешься выглядеть экологично».

В научных чатах Москвы посыпались стикерпаки: одними из самых популярных стали стикер с лицом Матвея и надписью «Я в домике (и в кашемире)» и стикер с унылой губкой «Жду согласования судна...», а фраза «Биологический тупик» так и вообще мгновенно превратилась в универсальный ответ на любое требование начальства.

Анна становилась героиней дня, но в мире большой науки это было равносильно публичному самосожжению. Коллеги писали ей в личку: «Аня, это гениально! Но работу ты больше не найдешь даже в кружке юных натуралистов».

...Анна вздрагивала, просыпалась, обомлело соображала, где она, почему и зачем, вытирала слюнку, стекшую из уголка рта аж до плеча, какое-то время изнуренно и бездумно пялилась в спинку кресла пассажира, что сидел перед ней и чьи редкие волосенки торчали над этой спинкой, как иголки и булавки из головы Страшилы, а потом под шелесты, шепоты, запахи и моторное рычание вновь отдавалась в объятия интер-

претаций собственного подсознания. И вот она уже была никакой не героиней, а просто глупой женщиной, над которой потешалась вся научная братия. Да мало того, что потешалась, ее натурально гнобили за вынос сора из «семьи», потому что уж Матвею-то наверняка было виднее, как поступать в чрезвычайных обстоятельствах, а Анна, выскочка этакая, несуразный и непрозорливый борец за правду, видимо, хотела прыгнуть через пару ступеней карьерной лестницы за чужой, то есть Матвея, счет.

И вот, после восьми часов этой саги, когда собственное ее «я» почти полностью растворилось в вариациях прошлого, а заодно и в общем микрокосме автобуса, двери со скрежетом открылись. Свобода! Она наконец была свободна, как муха в полете. Ну или как сбитый летчик.

— Ну бывай, соседка, еще увидимся! — панибратски похлопал по плечу Анну Сивый, напоследок обдав бурной волной всевозможных дорожных запахов, и поспешил к выходу первым.

— Да ни за какие коврижки, — прошептала Анна ему вслед.

Она вывалилась из автобуса, как вареный валепок, вдохнула жадно воздух. Соль. Первое, что она почувствовала, — это едкий, знакомый до слез запах соли, водорослей и свежего шторма. Офигенное чувство, но не для тех, кто привык к запахам бумаг и чернил, аптечной безу-

пречности лаборатории и очумелому коктейлю улиц большого города. Сейчас у Анны было чувство, будто ее в бочку с солеными огурцами с головой окунули. Это был не ностальгический аромат детства, а скорее запах холодильника, который открыли после долгого отсутствия. Город встречал ее как старого, но не особо желанного знакомого: пронизывающим ветром, повышенной влагой в воздухе и прощальным лучом солнца, тонущего в свинцовых тучах на горизонте. Анна потянула носом, и в висках отозвалась детская радость, которую тут же накрыла тяжелая волна усталости. Она вернулась. Не с триумфом, как мечталось когда-то, а с одним потрепанным рюкзаком, грудой обломков внутри и почетным званием «того самого ученого, который налажал по полной программе». Сомнительный фидбэк.

«Добро пожаловать в ад, вариант “приморский бриз”», — мысленно процедила Анна, оглядывая унылую площадь с памятником какому-то забытому рыбаку, с которого ветер сорвал половину бронзовой чешуи. Маяк она увидела сразу — белую, строгую иглу, вонзившуюся в невысокий мыс.

— Ну здравствуй, родной, — кивнула ему Анна.

Он стоял, как и двадцать, а может, как и сто лет назад, молчаливый, будто гигантский, покрытый сединой сторож, презирующий суету у своего подножия.

«Tempus fugit, aeternitas manet»¹, — с грустью подумала она.

Маяк, по ее логике, наверняка был в состоянии полуразрушенном и заброшенном, потому что последний раз она видела его семь лет назад, на похоронах деда, и уже тогда он дышал на ладан. Иван Степанович держал его в рабочем состоянии чисто силой воли, старомодной смазкой и какими-то диковинными запчастями, которые вытачивал себе сам на ручном станке. После его смерти сюда, насколько она знала, назначили какого-то сторожа на птичьих правах — присматривать, чтобы не растащили. Не хранителя. Не продолжателя. Сторожа! А что делает сторож с бесхозным памятником? Правильно: наблюдает, как он медленно умирает.

«Идеальный проект для реконструкции, — мысленно фыркнула она. — Разобрать по винтикам себя и его. А потом, глядишь, из общегохлама что-нибудь да соберется. Хоть табуретка».

Ключевск выглядел как стандартная, усталая приморская провинция. Ничего в нем не менялось вообще никогда. Город казался застрявшим в межвременье, где серые советские пятиэтажки, изъеденные солью и вечными ветрами, соседствовали с покосившимися деревянными до-

¹ Время бежит, вечность остается.

миками, чьи окна слезились от влажности. Здесь все имело свой особый налет — матовый, пепельный, как чешуя старой рыбы. Воздух, густой и тяжелый, пах не только йодом и штормом, но и ржавым железом, гниющими водорослями. Во всем сохранялось то специфическое спокойствие, которое бывает только в местах, где время решило замедлить свой бег. Анна почувствовала, как этот соленый субстрат мгновенно пропитывает ее одежду, словно город пытался взять ее в плен, едва она сошла с подножки автобуса. Ну и ладно, ну и что, и пусть себе пытается сколько влезет!

Дорогу размыло, и последние сто метров Анна шла, скользя по глине и ворча на свои городские кроссовки. Белая подошва давно обросла тяжелыми комьями грязи, а внутри противно хлюпало. Когда асфальт кончился, резко оборвалась и цивилизация: вместо ровной линии с фонарными столбами вдоль дороги начался хаос из вырванных с корнем кустов и низкого колючего кустарника, цеплявшегося за штаны.

Тропа виляла между старыми раскидистыми соснами, чьи корни, словно окаменевшие змеи, переплетались под ногами. Воздух здесь был плотным и влажным, пахло йодом, прелыми водорослями и еще чем-то холодным, металлическим — приближающимся морем. Анна слышала его еще издали, но за шумом ветра в кронах